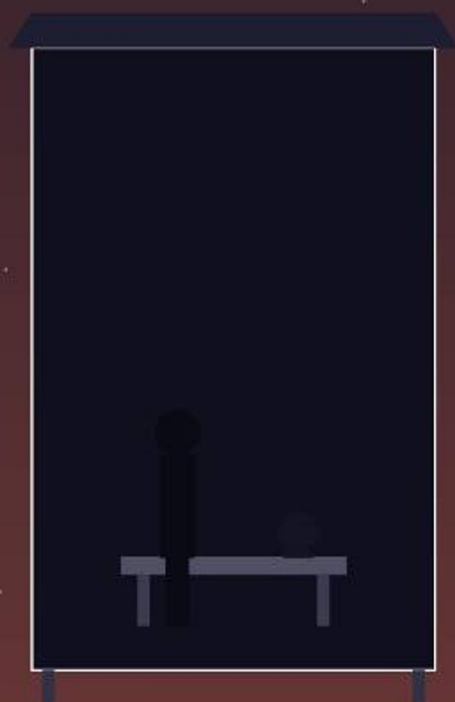

私の恋の話

ИСТОРИЯ МОЕЙ ЛЮБВИ

Роман

青春

Алексей Тимофеев

История моей любви

«Автор»

2026

Тимофеев А.

История моей любви / А. Тимофеев — «Автор», 2026

Современная романтическая новелла в провинциальном японском городе. Семнадцатилетний Рен работает ночным курьером, живёт один после ухода матери и едва сводит концы с концами. Каждое утро он добирается до школы на полупустом автобусе, где замечает тихую одноклассницу Юи. Во второй главе через монолог Рена раскрывается его изнуряющая рутина: бессонные ночи, сон на уроках, одинокие обеды и ощущение собственной ненужности. Третья глава меняет фокус на Юи — девушку из полной семьи, которая привыкла быть жизнерадостной и заботливой, но внутренне устаёт от роли «хорошей девочки». Их судьбы пересекаются на пустой лестничной клетке, где впервые раздаются слова, и они узнают имена друг друга — первый трещинка в стене одиночества.

© Тимофеев А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Часть вторая. Лестница	11
Глава 4	13
Глава 5	15
Глава 6	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Алексей Тимофеев

История моей любви

Глава 1

Дождь начался в два. Не ливень — мелкий, злой, пробирающийся под воротник. Я стоял под навесом «Lawson» и смотрел, как в лужах расплывается неон. Красный, белый, синий — цвета, которые уже никому не нужны в три часа ночи.

Телефон вибрировал. Новый заказ. Рамэн из «Ичиран» для кого-то, кто живёт в десяти минутах езды у реки. Там обычно спят офисные работники, которые завтра в восемь должны быть на станции, но вместо сна едят тонкоцу и смотрят стримы.

Я сел на велосипед. Цепь визжала — её пора смазывать, но когда? Утром школа. Днём сон, если повезёт. Вечером — снова работа.

Мама ушла сто семьдесят три дня назад. Я считаю не потому, что скучаю. Просто так легче ориентироваться во времени. До этого всё текло — понедельник, вторник, среда — одна серая полоса. А потом она оставила записку на холодильнике под магнитом из Киото, и время разделилось. До. После.

Записка до сих пор там. Я не выбрасываю. Не потому что ценю — просто не хватает сил поднять руку и сорвать.

Ветер с реки был холодным. Я нажал на педали, и велосипед въехал в темноту между фонарями. Город в это время не спит — он притворяется. Магазины закрыты, машины редки, но где-то в окнах горит свет. Кто-то не может уснуть. Кто-то ждёт рамэн.

Я доставил заказ. Мужчина лет тридцати открыл дверь в спортивных штанах и футболке с выгоревшим логотипом. Он не посмотрел мне в лицо. Сказал «сумимасэн» — хотя я должен был извиняться за опоздание на две минуты из-за дождя. Закрыв дверь.

Я стоял в коридоре и слушал, как за дверью щёлкают палочки по керамике. Потом поехал обратно.

В квартире пахло плесенью и пустотой. 1К — одна комната и кухонный уголок. Мамина обувь всё ещё стоит в прихожей. Белые кроссовки, которые она носила на работу. Я не выбрасываю и их тоже. Пусть стоят. Пусть собирают пыль. Это уже не мемориал — это просто лень, которая превратилась в привычку.

Я разогрел онигири в микроволновке. Рис был резиновый, начинка из лосося — кисловатая. Я ел, стоя у раковины, потому что мыть стол не хотелось. Вода капала. Кран никто не чинил.

В зеркале на двери шкафа я увидел себя. Тёмные круги под глазами. Губы обветренные. Гакуран висел на вешалке — чёрный, выцветший на плечах. Я ненавидел эту форму. Не потому что она некрасивая. Потому что она требует, чтобы я был школьником. А я уже давно не тот.

Я лёг на диван. Будильник на телефоне — пять сорок пять. Два с половиной часа. Я закрыл глаза и сразу провалился в сон без сновидений. Это единственное, что я ценю в усталости — сон, как выключение света.

Будильник вырвал меня из чёрной ямы. Тело болело — особенно спина, от седла. Я встал, не открывая глаз, по привычке дошёл до умывальника. Вода ледяная. Я смотрел на своё отражение и думал: если бы я исчез, кто-то заметил бы? Кроме хозяина квартиры, которому я каждое первое число кладу конверт в почтовый ящик.

Школьный автобус 4. Он ходил раз в двадцать минут с остановки у моста. Я пришёл раньше — стоял под навесом, курил электронную сигарету, купленную на сдачу. Не потому что нравится. Просто что-то делать руками.

Автобус подъехал с шипением. Внутри было тепло и пахло резиной от сидений. Я сел у окна, в последнем ряду, как всегда. Закинул ногу на ногу и прислонился лбом к стеклу. Оно было холодным и вибрировало от мотора.

На следующей остановке вошла она.

Я знал её в лицо — видел в школе, но не знал имени. Первый курс, наверное. Младше меня. Она была мокрой — дождь не прекращался. Волосы тёмные прилипли к щекам. Она не села рядом — села напротив, через проход, у другого окна.

Она достала телефон и уставилась в экран. Я смотрел на её руки — бледные, с обгрызанными ногтями. На запястье — резинка для волос, розовая, выцветшая.

Автобус тронулся. Я закрыл глаза, но не мог уснуть. Почему-то сегодня не мог. Я чувствовал её присутствие — не потому что она излучала что-то. Просто она была такой же сонной, такой же нездесь, как и я. Её голова кивала в такт ударам колёс о стыки асфальта.

Я думал о маме. О том, что она, наверное, сейчас тоже где-то едет на автобусе. Или уже нет. Я думал о том, что вчерашний рамэн был холодным, когда я его доставил. О том, что кран всё ещё капает. О том, что скоро контрольная по математике, и я завалю её, потому что не открыл учебник две недели.

Автобус подъехал к школе. Она встала первой. Я дал ей время выйти — чтобы не идти рядом. Она спустилась по ступенькам, не оглядываясь, и пошла к воротам, сгорбившись от дождя.

Я вышел следом. Вода затекла за воротник. Я поднял воротник гакурана и пошёл за ней на расстоянии пяти метров. Не потому что преследовал. Просто мы шли в одно место.

В коридоре школы пахло мокрой шерстью и старым паркетом. Я прошёл мимо своего шкафчика, не открывая его. Уроки начинались через десять минут. Я знал, что усну на первом же уроке. И никто не разбудит.

Я сел за парту, положил голову на руки и закрыл глаза. Последнее, что я увидел перед сном — её спину. Она стояла у шкафчика напротив, искала что-то в сумке, и её плечи были подняты к ушам — так, будто она ждала удара.

Я подумал: мы оба ждём удара. Просто от разных вещей.

Потом я уснул.

Глава 2

Я проснулся не от звонка, а от тишины. Урок закончился, класс шумел, перекладывал тетради, кто-то толкнул мою парту ногой. Я поднял голову — на щеке остался след от складки рукава гакурана. Слюна на углу рта. Я вытер её тыльной стороной ладони, не глядя, заметил это кто-то или нет.

Математика. На доске — формулы, которых я не видел. Учитель, Исидэ-сэнсэй, уже ушёл. На моей тетради — мокрое пятно от слюны и размазанная строчка чернил, которую я начал писать ещё до сна. Не помню, что хотел записать.

Я встал, захлопнул тетрадь и засунул в портфель. Вокруг меня двигались тела — одноклассники, которые знали друг друга с младшей школы, делили секреты, смеялись над одними и теми же мемами. Я проходил мимо них, как призрак. Не потому что меня обижали. Просто я не был частью их ткани. Я был пятном на стене, к которому привыкли не обращать внимания.

В коридоре пахло обедом — рыбой, мисо-супом, рисом из столовой. Я не пошёл туда. У меня не было бенто, и покупать обед в школьной столовой — это значило стоять в очереди, а в очереди кто-нибудь обязательно спросит: «Рен, ты опять спал?» Или хуже — попытается подшутить. Я не ненавидел их за это. Просто не хотел тратить силы на ответы.

Я вышел на лестничную клетку, на третий этаж, где никто не ходил. Там, за дверью в техническое помещение, был узкий подоконник. Я сел на него, прислонился спиной к холодной стене и достал из портфеля онигири. Купил утром в том же «Lawson», где стоял в дождь. Сёмга. Резиновый рис. Я ел медленно, глядя в окно на школьный двор.

Двор был пуст. Деревья — клёны, посаженные ещё до того, как я родился — стояли голые, мокрые. Весна должна была прийти, но не торопилась. Я смотрел на ветки и думал о том, что они не жалуются. Они просто стоят. Может, это и есть мудрость — просто стоять и не жаловаться.

Я закончил онигири. Пакет от него смял и засунул в карман гакурана — выбросить потом, когда никто не увидит. Я не хотел, чтобы дворник злился. Злой дворник — это ещё один человек, который будет смотреть на тебя с презрением. У меня и так хватает.

После школы я не пошёл домой. Дома было холодно, и кран всё ещё капал. Вместо этого я поехал на велосипеде в центр — не потому что мне было чем заняться, а потому что двигаться легче, чем сидеть. Движение создаёт иллюзию цели.

Я проехал мимо станции. Там толпились люди в костюмах, спешившие с работы. Мимо универмага, где горели витрины с весенней одеждой. Мимо кафе, из которого доносился запах жареной курицы. Я нигде не останавливался. У меня не было денег, чтобы зайти. Вчерашняя смена принесла четыре тысячи иен. Три я уже отложил на аренду. Одна — на еду до следующей смены.

Я остановился у реки. Сел на набережную, свесив ноги вниз. Вода была серой, быстрой, грязной. Там плавали пластиковые бутылки и листья. Я смотрел на течение и думал: если бы я упал, меня бы унесло. Не потому что хотел. Просто интересно — как далеко? До океана? До того места, где вода становится чистой?

Я сидел так минут двадцать. Потом вспомнил, что мне нужно купить батарейки для фонарика на велосипеде. Он мигал вчера, и без него ночью — опасно. Полиция может остановить. Штраф — пять тысяч. У меня нет пяти тысяч.

В магазине «Daiso» я купил батарейки за сто иен. Потом зашёл в «Lawson» — не есть, просто погреться. Стоял у полки с журналами и смотрел на обложки. Там были девушки с улыбками, которых я никогда не встречал в реальной жизни. Парни с причёсками, стоящими больше, чем моя недельная зарплата. Я смотрел на них и чувствовал себя вырезанным из дру-

гой бумаги. Не завидовал. Просто не понимал, как это — быть на обложке. Быть хоть в чём-то главным.

Вернулся домой в шесть. Квартира встретила меня темнотой и запахом старого блюда. Мама готовила здесь последний раз три месяца назад. Карри. Запах въелся в обои и не выветривался. Я включил свет — люминесцентная лампа замерцала, прежде чем загореться полностью. Тусклый, болезненный свет.

Я сел на пол и поменял батарейки в фонарике. Проверил — работает. Потом лёг на фuton, не раздеваясь. Закрыв глаза. Нужно было поспать до смены. Но сон не шёл. В голове крутились цифры: четыре тысячи, минус три за аренду, минус сто за батарейки, минус двести за онигири. Осталось семьсот. На что мне семьсот иен до следующей смены?

Я встал, подошёл к холодильнику. Там висела записка мамы. Я прочитал её снова. Впервые за сто семьдесят три дня. «Рен, прости. Мне нужно подумать. Я позвоню.» Она не позвонила. Я не ждал. Просто каждый день проверял телефон — не потому что надеялся. Просто привычка. Как дышать.

Я сел за стол и достал учебник по японскому языку. Нужно было сделать домашнее задание. Прочитал одно предложение три раза — не вник. Буквы плавали. Я закрыл книгу и смотрел на обложку. Там была фотография сакуры. Яркой, ненастоящей. Я ненавидел сакуру. Все ненастоящие вещи вызывали во мне злость. Но я не злился громко. Я просто чувствовал, как внутри что-то сжимается, становится тяжёлым, каменным.

В девять я встал, оделся, проверил телефон. Заказов пока нет. Я вышел на балкон — там было холодно, ветер бил с реки. Я закурил электронную сигарету. Пар поднимался вверх и тут же развеивался. Я думал о том, что мне семнадцать. Что я должен готовиться к экзаменам. Что я должен мечтать о университете. Что я должен влюбляться, ходить на свидания, смеяться в кафе.

Вместо этого я стоял на балконе в промёрзшей куртке, курил пар, который пахнет персиком, и ждал, когда мне придёт заказ на доставку рамэна незнакомому человеку.

Телефон вибрировал. Заказ. Я спустился по лестнице, сел на велосипед и поехал в ночь.

Смена прошла как всегда. Три заказа. Дождь кончился, но остался ветер. Я ездил по пустым улицам, и город казался мёртвым. Не злым — просто безразличным. Как я.

В четыре утра я вернулся. Съел холодный онигири — оставшийся со вчерашнего дня. Лёг. Проспал два часа. Будильник. Встал. Умылся. Гакуран. Автобус.

Я шёл к остановке и чувствовал, как ноги не слушаются. Как будто я не спал, а был отключён. Разница тонкая, но важная. Сон даёт отдых. Отключение — просто паузу между одним и тем же.

Автобус подъехал. Я сел на своё место — последний ряд у окна. Прислонился лбом к стеклу. Оно было холодным.

На следующей остановке вошла она. Та девочка из прошлого раза. Сегодня она была сухая — дождь кончился. Волосы расчёсаны, но всё так же тёмные. Она села на своё место — напротив, у другого окна. Достала телефон. Уставилась в экран.

Я посмотрел на неё секунду. Не потому что она была особенной. Просто она была единственным движением в мёртвом вагоне. Потом я закрыл глаза.

Я думал о том, что она, наверное, тоже не выпалась. Что у неё тоже есть свои причины садиться на этот автобус в семь утра. Но я не хотел знать эти причины. Знание — это связь. А связь — это то, что рано или поздно рвётся. Лучше не начинать.

Глава 3

На кухне пахло мисо-супом и жареным лососем. Мама готовила завтрак в фартуке с вышитыми кроликами — подарок от папы на прошлый день рождения. Она шутила, что в таком фартуке можно идти на бал, и папа отвечал, что она и так на балу каждое утро.

— Юи, передай соевый соус! — крикнул папа из гостиной, торопясь завязать галстук.

— Вот, — она протянула бутылку через дверной проём. — Ты опять опаздываешь.

— Совещание в восемь тридцать, — папа выскочил на кухню, поправляя воротник. — Если я приду в восемь тридцать пять, мир не рухнет, но мой начальник будет ворчать. А ворчание начальника — это звуковое загрязнение.

Юи усмехнулась. Папа всегда так говорил — преувеличивал, шутил, разряжал обстановку. Мама махнула на него лопаткой:

— Ешь хоть что-нибудь, а то опять кофе на голодный желудок.

— Я усую кофе, — папа чмокнул маму в щёку, потом Юи в макушку. — До вечера, зайчата.

Дверь захлопнулась. Тут же из детской выбежал брат — Рику, девять лет, в школьной форме на вырост, рукава закатаны до локтей.

— Юи, где мой ранец? Я не могу найти ранец! Я без ранца не пойду!

— Он в прихожей, где и вчера, — Юи наложила ему рис в мисочку. — И не кричи. Мама головой болеет.

— Я не болею, — мама отмахнулась, но Юи видела, как она прижимала ладонь к виску. — Просто не выспалась.

— Потому что встала в пять, чтобы приготовить ланчи, — Юи взяла нож и начала резать яблоко для бенто. — Я же говорила, я могу сама.

— Твои ланчи — это хаос, — мама улыбнулась. — Красивый хаос, но хаос.

Юи пожала плечами. Она не обижалась. Мама любила готовить, любила заботиться, и Юи знала — если отнять у мамы эти утренние ритуалы, мама будет чувствовать себя бесполезной. Поэтому Юи просто помогала — нарезала, убирала, следила за Рику, пока мама заканчивала суп.

Она вышла из дома в семь двадцать. На улице было прохладно, но солнечно. Юи шла на остановку и напевала под нос песню, которую слышала по радио. Она любила утро. Любила этот момент, когда день ещё не начался, и всё кажется возможным.

В школе она смеялась с подругами. Май рассказывала про свою собаку, которая испугалась пылесоса, и Юи хохотала так, что пришлось прижимать ладони к животу. На перемене она помогла Хоноке разобраться с домашкой по математике — терпеливо, по шагам, не говоря «ну это же просто».

Но к обеду что-то село внутри. Не резко — как будто кто-то тихо вытянул штепсель. Она сидела за партой на последнем уроке и чувствовала, как улыбка становится тяжёлой. Как будто лицо — это маска, которую нужно держать руками. А руки устали.

Она не знала, почему. Ничего плохого не случилось. Просто... всё. Утренний шум, смех, объяснения, вопросы, вечная готовность быть рядом, быть полезной, быть светлой. Иногда от этого уставала даже батарейка.

После уроков подруги позвали её в кафе.

— Юи, идёшь? У них новое меню с парфе!

— Не сегодня, — она улыбнулась — и сразу почувствовала, как щёки ноют от напряжения. — Нужно домой помочь.

— Эх, ты всё дом, дом, — Май ткнула её в бок. — Когда-нибудь сбежишь с нами!

— Обязательно, — кивнула Юи.

Она не шла домой. Она пошла вверх по лестнице — той самой, в дальнем крыле, куда никто не ходил. Ей нужно было пять минут. Просто пять минут, где никто не ждал от неё улыбки, где можно было снять маску и просто быть тихой.

Часть вторая. Лестница

Рен сидел на подоконнике и смотрел, как ветка клёна бьётся о стекло. Он закончил онигири, но не спешил уходить. Здесь было тихо. Здесь не пахло чужой едой и не слышно было голосов.

Шаги по лестнице. Он не обернулся. Пусть идут мимо.

Но шаги остановились. Потом — тишина. Рен повернул голову.

Это была она. Девочка из автобуса.

Она села на ступеньку ниже, у перил. Не расплакалась. Не съёжилась. Просто села, обхватила колени руками и вздохнула — так глубоко, будто весь день держала воздух в лёгких.

Рен отвёл глаза. Ему не хотелось лезть. Чужие проблемы — не его проблемы.

Но она сидела и молчала. Не рыдала. Просто молчала. И это молчание было другим — не тяжёлым, как у него. Скорее... уставшим. Как будто она присела передохнуть после долгой ходьбы.

Минута. Две.

— Ты в порядке? — спросил он. Голос прозвучал грубовато — он давно не начинал разговоры первым.

Она вздрогнула и подняла голову. Глаза были не красные. Просто... тихие. Она посмотрела на него, и он увидел, что она его узнала.

— А, — она чуть приоткрыла рот. — Ты из автобуса.

— Ага.

— Ты всегда спишь.

— Не всегда.

Она кивнула, как будто это было вполне нормальное объяснение. Потом повернулась к окну.

— Я в порядке, — сказала она. — Просто... сегодня какой-то долгий день.

Рен посмотрел на неё. Она не выглядела сломанной. Она выглядела так, как он себя чувствовал каждое утро — когда нужно встать, одеться, сделать вид, что ты человек.

— Дни бывают такими, — сказал он.

— Да, — она улыбнулась. Не широко, не по привычке — по-настоящему, но устало. — Я обычно не такая. Обычно я весёлая.

— Я обычно не разговариваю с незнакомцами, — сказал Рен.

Она тихо рассмеялась. Звук был коротким, почти неуловимым.

— Тогда мы оба сегодня необычные.

Они помолчали. Ветер стих. Ветка перестала биться о стекло.

— Я Юи, — сказала она вдруг.

Рен замер. Имя — это уже что-то. Имя — это ниточка, за которую можно подтянуть человека ближе. Он не хотел. Но она смотрела на него с таким простым, открытым ожиданием, что отказываться было грубее, чем отвечать.

— Рен, — сказал он.

— Рен, — повторила она, как будто проверяя на вкус. — Странное имя.

— Обычное.

— Для меня странное. Я не знаю ни одного Рена.

Он пожал плечами. Она тоже пожала.

— Ладно, — встала она, поправила складки на юбке. — Мне пора. Мама волноваться будет.

Она пошла к лестнице, потом обернулась.

— Спасибо, что не стал расспрашивать. Ненавижу, когда расспрашивают.

— Я тоже, — сказал Рен.

Она улыбнулась — уже почти по-настоящему, почти по-своему — и спустилась вниз.

Рен сидел ещё десять минут. Он думал о том, что она сказала «я обычно весёлая». Он думал о том, как это — быть обычно весёлым. Как это — иметь энергию, которую можно тратить на улыбки, а потом просто устать и присесть на лестнице.

Он встал и пошёл на последний урок. В коридоре пахло мокрым паркетом и чем-то ещё — чем-то, что было похоже на весну.

Глава 4

Глава 4

Ночь была тихой. Всего четыре заказа, и один из них отменили, пока я ехал по мосту. Я развернул велосипед и почувствовал что-то странное — облегчение? Нет. Скорее, пустоту. Когда работаешь, есть цель. Когда работы нет — остаёшься один с собой, а с собой разговаривать не хочется.

Я вернулся домой в три. Лёг без еды. Закрыв глаза и сразу увидел лестничную клетку. Юи. Она сказала: «Я обычно весёлая». Я не знал, почему запомнил это. Мне было всё равно. Должно быть всё равно.

Проснулся от будильника в пять сорок. Тело не отдыхало — просто выключилось и снова включилось, как старый холодильник. Я встал, умывался, смотрел в зеркало. Глаза — два синих мешка. Я не старался выглядеть лучше. Зачем?

На улице было холодно, но не шёл дождь. Я стоял на остановке, курил электронную сигарету, и дым тут же улетал ветром. Автобус подъехал с привычным шипением. Я сел на своё место — последний ряд у окна, левое сиденье. Закинул ногу на ногу. Прислонился лбом к стеклу.

Закрыв глаза.

Шаги по проходу. Остановились рядом. Я не открывал глаз — пусть проходит мимо, пусть садится на своё место напротив.

— Рен?

Голос был тихий, но я узнал. Я открыл глаза.

Юи стояла в проходе, держась за спинку сиденья. Она была в гакуране, волосы собраны в хвост, на виске торчала непослушная прядь. Она смотрела на меня — не в глаза, а чуть ниже, на пустое место рядом со мной.

— Можно?

Я не ответил сразу. Место рядом со мной — это было моё место. Моё пространство, моя граница. Но она стояла и ждала, и я понял, что если скажу «нет», это будет грубее, чем если бы она просто прошла мимо.

Я кивнул. Чуть сдвинулся к окну — не потому что хотел освободить место, а потому что не знал, как быть.

Она села. Не вплотную — расстояние в сантиметров тридцать, но она села рядом. В моём ряду. В моём автобусе.

— Доброе утро, — сказала она.

— Ага.

Она достала телефон, но не стала в него смотреть. Просто держала в руках, поворачивая.

— Ты опять не выспался, — это было не вопрос.

— Никогда не высыпаюсь.

— Почему?

Я посмотрел на неё. Она смотрела вперёд, на спинку сиденья перед ней, и её вопрос звучал не как допрос. Просто... любопытство. Беззлобное.

— Работаю, — сказал я. Первый раз кому-то говорил. Почему? Не знаю.

— Ночью?

— Ага.

— Что делаешь?

— Курьер. Еда.

Она кивнула, как будто это было самое обычное объяснение в мире.

— Я видела тебя, — сказала она вдруг.

— Где?

— Позавчера вечером. Ты ехал на велосипеде по улице у станции. С термосумкой на руле. Я шла из магазина.

Я не знал, что ответить. Меня увидели. Я привык быть невидимым — как пятно на стене, как мусорный бак. А она заметила.

— Ты быстро едешь, — добавила она. — Я испугалась, что ты врежешься в столб.

— Не врезался.

— Знаю. Я смотрела.

Я повернул голову к окну. Стекло было холодным. Я чувствовал, как что-то внутри — что-то твёрдое, каменное — дрогнуло. Не растаяло. Просто дрогнуло.

— А ты? — спросил я. Не хотел, но спросил. — Почему вчера на лестнице?

Она помолчала. Автобус проехал стык на дороге, и мы подпрыгнули — её плечо коснулось моего рукава. Она отодвинулась, но незаметно, будто боясь обидеть.

— Просто... — она подобрала слова. — Иногда я устаю быть собой. Знаешь, как бывает? Когда от тебя все ждут, что ты будешь весёлой, полезной, хорошей... И ты такая. Но в какой-то момент понимаешь, что это как костюм. Тяжёлый. И хочется его снять минут на пять.

Я слушал и думал о мамином фартуке с кроликами. О записках на холодильнике. О том, что я никому ничего не должен быть — просто потому что никто не ждёт.

— У меня нет такого, — сказал я.

— Костюма?

— Того, кого ждут.

Она посмотрела на меня. Не с жалостью — с чем-то другим. С удивлением? С пониманием? Я не разбирался в людях достаточно, чтобы отличить.

— А ты ждёшь? — спросила она тихо.

— Чего?

— Хоть чего-нибудь.

Я хотел сказать «нет». Но слово застряло. Потому что вчера, на лестнице, когда она сказала своё имя, я почувствовал что-то. Не надежду — это слишком громко. Скорее, любопытство. Как будто в серой комнате мелькнул луч света, и ты не знаешь, откуда он, но поворачиваешь голову.

— Не знаю, — сказал я честно.

Она улыбнулась. Не той улыбкой, которую она, наверное, показывала в классе. Эта была тихая, почти невидимая.

— Я тоже не знаю, — сказала она. — Но иногда не знать — это нормально.

Автобус затормозил у школы. Она встала первой. Поправила сумку, и я заметил, что на её портфеле висит брелок — маленький кролик из фетра, выцветший, потёртый.

— Завтра тоже на этот автобус? — спросила она, стоя в проходе.

— Если проснусь.

— Проснёшься, — она кивнула, как будто решила за меня. — Ты же просыпаешься всегда.

Она пошла к выходу. Я сидел и смотрел, как она спускается по ступенькам — не торопясь, подняв лицо к солнцу, которое только что выглянуло из-за туч.

Я вышел следом. В коридоре школы пахло по-другому — не мокрым паркетом, а чем-то новым. Я не знал, чем. Может, просто воздух был другим, потому что я впервые за долгое время говорил с кем-то больше двух слов.

Я прошёл к своей парте. Уснул на первом уроке. Но перед сном я подумал о кролике на её сумке и о том, что она сказала: «Ты же просыпаешься всегда».

Как будто это было что-то важное.

Глава 5

Глава 5

Я сидел на той же набережной, куда приезжал после школы в феврале. Тогда здесь было холодно, ветер бил с воды, и я смотрел на пластиковые бутылки в реке. Сейчас — середина апреля. Ветер тёплый, в ветвях клёнов появились красные листочки, и где-то в парке пахло землёй после дождя.

Я должен был быть дома. Спать перед сменой. Но сегодня я не поехал домой.

Три недели прошло с того дня на лестнице. Двадцать один день. Я считаю — не потому, что важно. Просто так я понимаю, что время движется. Что что-то меняется, даже если незаметно.

Мы ездим вместе. Каждое утро она садится рядом. Не спрашивает разрешения — просто садится, как будто это её место. Я не возражаю. Я уже не представляю, как сидеть в одиночестве у окна.

Она говорит. Не много — пара фраз за поездку. О своём брате, который потерял зуб и теперь шипит, когда говорит. О маме, которая печёт слишком много печенья и заставляет всю семью есть. О том, что она ненавидит математику, но любит литературу — читает Мураками, хотя не всегда понимает.

Я слушаю. Иногда киваю. Иногда говорю что-то короткое — «да», «понимаю», «бывает». Она не обижается на молчание. Она как будто знает, когда мне есть что сказать, а когда — нет.

Я не рассказываю ей про себя. Не про маму, не про ночные смены, не про квартиру с капающим краном. Не потому что стыдно. Просто... зачем? Зачем грузить её своим? Она и так устаёт быть хорошей. Не нужно ещё одно бремя.

Но вчера она спросила. Мы стояли у школьных ворот, и она вдруг повернулась ко мне — не в автобусе, а на улице, в светлом дне.

— Рен, а ты чем занимаешься после школы?

Я замер. Мог бы соврать. Сказать — готовлюсь к экзаменам, хожу в кружок, помогаю по дому. Но она смотрела на меня так, будто уже знала ответ и просто ждала, признаюсь ли я.

— Работаю, — сказал я. — Ночью.

— Я знала, — она кивнула. — Ты всегда такой уставший.

— А ты?

— Я сплю, — она улыбнулась. — Скучно, да?

— Нет.

Она посмотрела на меня ещё секунду. Потом помахала рукой и побежала к автобусу. Я стоял и думал: она знала. Всё это время она знала и не спрашивала. Ждала, пока я сам скажу.

Я не знаю, что это значит. Доверие? Терпение? Или просто она не любит, когда спрашивают — как и сама говорила?

Я посмотрел на реку. Вода текла быстрее, чем в феврале. Таял снег в горах, и уровень поднимался. Я думал о том, что через два месяца — экзамены. Что потом — лето. Что я должен решить: поступать или нет.

Университет. Слово звучит как шутка. Стоимость обучения — полтора миллиона в год. Я зарабатываю сто двадцать тысяч в месяц. Минус аренда — семьдесят. Минус еда. Минус электричество. Остаётся... ничего. Университет — это для тех, у кого есть родители. У кого есть будущее, которое кто-то обещал.

У меня никто ничего не обещал.

Мама ушла сто девяносто четыре дня назад. Записка всё ещё на холодильнике. Я не выбрасываю. Не потому что жду. Просто... если выброшу, это будет окончательно. А я ещё не готов к окончательности.

Я думал о том, что буду делать после школы. Полная занятость. Двадцать лет. Тридцать. Сорок. Одна и та же квартира. Одна и та же работа. Одни и те же ночи. Это не план — это просто продолжение. Как дышать. Как сердце бьётся.

А Юи?

Она поступит. Куда-нибудь. Будет жить в общежитии, есть столовую еду, смеяться с новыми друзьями. Будет весёлой — по-настоящему, не из усталости. Будет забывать про меня. И правильно.

Я представил это — утро, автобус, я один. Она не садится рядом. Место пустое. И понял, что мне страшно. Не грустно — страшно. Как будто кто-то выключил свет в комнате, где я только что начал различать очертания мебели.

Я не хочу от неё ничего. Не прошу спасти меня, не жду чудес. Просто... когда она рядом, утро не кажется продолжением ночи. Когда она говорит «доброе утро», это звучит так, будто утро и правда может быть добрым. Я не верю в это — но мне нравится, что она верит.

Я не знаю, люблю ли я её. Слово «любовь» кажется слишком большим для того, что у меня внутри. У меня нет права на большие слова. У меня есть только это — чувство, что я не хочу потерять её. Что я готов просыпаться, если знаю, что она будет в автобусе.

Я смотрел на воду и думал: а что, если я всё-таки попробую? Не университет — это невозможно. Но что-то другое. Вечерние курсы. Техническое образование. Что-то, что даст мне работу днём. Чтобы не спать на уроках. Чтобы иметь силы говорить с ней не только по утрам, но и днём. И вечером.

Я никогда не думал о будущем. Будущее было чёрным экраном — включил, выключил, всё равно. Но сейчас я увидел там крошечную точку света. Не факел. Не солнце. Просто точку. Как звезду, которую видно только если смотреть краем глаза.

Я встал. Пора было ехать домой, спать два часа, а потом — на смену. Но я не спешил. Я шёл по аллее и смотрел на деревья. Они зеленели. Я не замечал этого раньше — что деревья меняются. Что весна приходит, даже если ты не ждёшь.

Телефон вибрировал. Сообщение.

Я достал его. Юи.

«Завтра автобус в 7:20. Не опаздывай, я принесу печенье.»

Я остановился посреди аллеи. Прочитал три раза. Потом убрал телефон в карман и пошёл дальше. Я не улыбался. Но что-то внутри — то самое каменное — сдвинулось на миллиметр. Не растаяло. Просто сдвинулось.

Я подумал: завтра я проснусь. Завтра я поеду на автобус. Завтра я съем её печенье и скажу, что оно вкусное — даже если будет невкусное. И это будет моё будущее. Не всё. Просто завтра. Но пока что — достаточно.

Глава 6

Глава 6

Часть первая. Юи

Будильник зазвонил в шесть тридцать. Я выключила его, не открывая глаз, и ещё пять минут лежала, слушая звуки дома. С кухни доносился запах мисо-супа — мама уже встала. Из детской слышался шум: Рику собирал ранец и, судя по всему, ронял учебники один за другим.

— Рику-чян, тише! — крикнула мама.

— Я не роняю, они сами! — отозвался брат.

Я улыбнулась в подушку. Это было каждое утро, и каждое утро меня это умиляло.

На кухне мама стояла в том же фартуке с кроликами. Папа уже ушёл — я слышала хлопанье двери час назад. На столе стояла моя чашка с зелёным чаем и тарелка с тамагояки.

— Ты сегодня рано, — сказала мама, не оборачиваясь.

— Просто проснулась.

Это было не совсем правдой. Я проснулась в шесть, за десять минут до будильника. Лежала и думала о том, что вчера Рен сказал: «Я работаю. Ночью». Я думала о том, как он сказал это — ровно, без жалости, как будто сообщал погоду. И о том, что он впервые рассказал мне что-то о себе.

— Юи? — мама обернулась. — Ты в порядке?

— Да, — я взяла палочки. — Просто не выпалась.

— Опять в телефон смотрела?

— Нет, — я откусила тамагояки. — Просто думала.

Мама посмотрела на меня странно, но не стала расспрашивать. Она доверяла мне. Иногда мне хотелось, чтобы она спросила. Но сегодня я была рада тишине.

Я вышла из дома в семь пятнадцать. На улице было прохладно, но солнце уже стояло высоко — весна окончательно вступала в свои права. Я шла на остановку и напевала под нос песню, которую слышала по радио. Не потому что была счастлива. Просто так — по привычке, по утренней свежести.

Автобус подъехал. Я вошла и сразу увидела его. Рен сидел на своём месте — последний ряд у окна. Но сегодня он не спал. Он смотрел в окно, и его профиль был освещён серым утренним светом. Он выглядел иначе. Не менее уставшим — просто... настороженным. Как будто ждал чего-то.

Я села рядом, как всегда. Он повернул голову и кивнул. Это было больше, чем обычно. Обычно он просто смотрел, признавая моё присутствие. Сегодня — кивок.

— Доброе утро, — сказала я.

— Ага.

Мы помолчали. Автобус тронулся. Я достала из сумки учебник по литературе — нам задавали прочитать рассказ Кавабаты. Но я не читала. Я смотрела на страницу и видела не буквы, а его руки на коленях — тонкие, с синяками на костяшках. От работы? От усталости? Я не спрашивала.

— Ты читаешь Кавабату? — вдруг спросил он.

Я подняла голову. Он смотрел на мой учебник.

— Да, — сказала я. — Нам задали. «Снежная страна». Ты читал?

— Нет, — он отвёл глаза. — Не люблю, когда всё грустно.

— А там грустно?

— Там всегда грустно, — он пожал плечами. — Кавабата.

Я хотела возразить, но поняла, что не смогу. Он был прав. Я улыбнулась — не широко, просто чуть приподняла уголки губ. Он это заметил? Не знаю. Он снова смотрел в окно.

В школе меня ждала обычная суета. Математика, английский, история. На математике я отвлеклась — смотрела на облако за окном и думала о том, что Рен, наверное, сейчас спит. Или пытается спать. Или уже работает? Я не знала его расписания. Странно — я знаю, как он пахнет (сигаретами и чем-то холодным, уличным), но не знаю, что он делает в это время дня.

— Юи-сан? — голос учителя вырвал меня из раздумий. — Ответьте, пожалуйста.

Я вскочила, покрасневшись. Класс захихикал. Я не знала ответа. Села, чувствуя жар в щеках. Но улыбалась. Почему-то улыбалась.

На большой перемене Май под села ко мне за партой. Она смотрела на меня с тем прищуром, который означал: «Я что-то знаю».

— Ты в последнее время странная, — сказала она.

— В каком смысле?

— Ты улыбаешься на уроках. Ты отвлекаешься. Вчера учительница спросила тебя, а ты смотрела в окно и не слышала.

— Просто устала, — я отвернулась, собирая тетради.

— Не похоже на усталость, — Май наклонилась ближе. — Ты в кого-то влюбилась?

Я замерла. Ручка в моей руке остановилась над тетрадью.

— Нет, — сказала я слишком быстро.

— Ага, — Май ухмыльнулась. — Значит, да.

— Май, — я толкнула её в плечо. — Не говори глупости.

— Ладно, ладно, — она подняла ладони. — Но если что — я первая, кому расскажешь. Обещаешь?

— Обещаю, — я кивнула, хотя знала: не расскажу. Не потому что не доверяю. Просто... это ещё не то, что можно назвать. Это просто автобус. Просто молчание. Просто то, как он сказал «Кавабата».

После школы я не пошла домой сразу. Я зашла в конбини у станции — тот самый, где работает Рен ночью? Нет, он работает в другом районе. Но я зашла и стояла у полки с онигири минут пять. Смотрела на ряды треугольных упаковок: лосось, тунец, уме-boshi, курица.

Я взяла два. Один — с лососем, для себя. Второй — с тунцом. Для него. Я не знала, что он любит. Мы никогда не обедали вместе. Но тунец — самый обычный, самый нейтральный. Если он не любит рыбу, он всё равно сможет съесть.

Я заплатила. Продавец — девушка с розовыми волосами — улыбнулась мне. Я улыбнулась в ответ. Вышла. Стояла на улице с двумя онигири в пакете и чувствовала себя глупо. Что я буду с ним делать? Просто положу ему в руки завтра утром? Скажу: «Это тебе»? А если он спросит зачем? Что я отвечу?

Я не знала. Но я шла домой, и пакет в моей сумке казался тяжелее, чем учебники. Тяжелее и теплее.

Часть вторая. Рен

Я проснулся в четыре. Не от будильника — от голоса на улице. Кто-то кричал на кого-то во дворе. Я лежал на футоне и смотрел на потолок. Трещина в углу. Молния. Она всё ещё там.

Я встал, умывался. В зеркале — всё те же круги под глазами, но сегодня они казались мне менее чёрными. Или я просто привык.

Последний урок — химия. Я сидел за партой и чувствовал, как сон подкрадывается. Но я боролся. Не потому что хотел учиться. Просто... вчера Юи сказала: «Ты всегда спишь». И мне стало стыдно. Не сильно. Немного. Но достаточно, чтобы держать глаза открытыми.

Учительница — старая Танака-сэнсэй — писала формулу на доске. Мел скрипел. Я смотрел и думал: если бы я поступил в колледж, я бы учил это всерьёз. Я бы сидел за партой и

слушал. У меня была бы тетрадь без мокрых пятен. У меня был бы рюкзак, а не портфель с оторванной молнией.

— Рен-кун, — голос Танаки был тихим. Я поднял голову. Она стояла рядом с партой и смотрела на меня — не сердито, просто устало. — Вы не спите?

— Нет, сэнсэй, — я сказал это честно. Сегодня я не спал.

— Рада слышать, — она кивнула и пошла дальше. — Следите за доской.

Я последовал совету. Десять минут. Потом снова отвлёкся. Но не уснул. Это было маленькое достижение. Я записал в тетрадь одну формулу. H_2O . Вода. Я знал это и раньше. Но сегодня я записал.

После школы я поехал домой. Съел холодный онигири — вчерашний, оставшийся с утра. Поспал час. Во сне ничего не было — просто чёрный экран. Проснулся в девять вечера. Одевался, проверял телефон. Заказов было много — пятница, люди заказывают пиццу и пиво.

Я ездил по ночному городу. Ветер был тёплым, почти летним. Я снимал заказы с термосумки и стучал в двери. В одной квартире открыл пьяный мужчина и сказал: «Спасибо, брат, ты спас мою жизнь». В другой — молчаливая женщина в халате, взяла пакет и закрыла дверь, не глядя. В третьей — открыл мальчик лет пяти, в пижаме с динозаврами, и сказал: «Мама, рамэн приехал!»

Я смотрел на него и думал о том, что у меня никогда не было детства, в котором еда «приезжала». У нас еда готовилась мамой. Потом — никем. Потом — я сам, если было что готовить. Сейчас — я покупаю.

В два ночи я заехал в конбини. Мне нужен был кофе — последний заказ был далеко, и я засыпал на велосипеде. Я стоял у кассы и ждал, пока продавец разогреет кофе. Мои глаза скользнули по полкам. Печенье. Разные виды — шоколадное, сенbei, с матча.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.